Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке http://shukshinvasiliy.ru/ Приятного чтения!

Други игрищ и забав. Василий Макарович Шукшин

В нервной, шумливой семье Худяковых – происшествие: народился младенец по имени Антон. То-то было волнений, крика, когда их – роженицу и младенца – привезли домой… Радовались, конечно, но и шумели, и нервничали тут же – стыдились радоваться: у Антона нет отца. То есть он, конечно, есть, но пожелал остаться неизвестным. Семья Худяковых такая: отец Николай Иванович, сухой, пятидесятилетний, подвижный, как юноша, резкий… Шофер. Как разволнуется, начинает заикаться. Мать Лариса Сергеевна, обычно крикливая, но не злая. Сын их Костя, двадцатитрехлетний, слесарь, тоже нервный, часто волнуется, но тогда не кричит и не говорит – мало говорит – старается найти слова сильные, точные, не сразу их находит и выразительно смотрит темно-серыми глазами на того, кому он хотел бы найти эти слова. И наконец дочь Алевтина, двадцатилетняя, с припухлыми, чуть вывернутыми губами, хоть тоже шумливая, но добрая и доверчивая, как овца. Она-то и родила Антона. Из-за нее-то и нервничали. Казалось бы, чего уж теперь-то нервничать: знали же, ждали же… Нет, как привезли человечка, тут они все разнервничались – на то они и Худяковы, крикуны, особенно отец.

– Ну, х-орошо, ну, л-л-л… это… ладно, – кричал отец, – если он не хочет прийти, то х-оть скажи: кто он?!

Алевтина плакала, но не говорила, упорно не говорила… Николай Иванович из себя выходил, метался по комнате. Лариса Сергеевна – это странно, но никто как-то на это не обращал внимания, что это странно, – не кричала, а спокойно налаживала кроватку, распоряжалась насчет пеленок, распашонок… Она, как видно, свое откричала раньше. Костя… У Кости, брата, было сложное чувство. Младенец взволновал его, обрадовал, но досада, стыд и злость на сестру губили радость. Он тоже хотел бы знать, кто же это такой ловкий, что и ребенка смастерил, и глаз казать не хочет?

– Подожди ты, не кричи, – сказал он отцу, – чего криком достигнешь?

– Достигали! – закричал и на него отец. – Вы всего достигаете!.. Вон вы чего достигаете – в подолах приносить. Радуйтесь теперь!..

– Ну и… все. Чего кричать-то? Чего изменишь-то криком?

– Я хочу знать: кто?! – отец резко крутнулся на месте, махнул рукой и выбежал из комнаты. На кухню. Он не мог совладать с отчаянием. – Как добрым, отдельную квартиру дали!.. – вовсе уже бессмысленно кричал он оттуда. – Нет, они начинают тут… Тьфу!

– Алька, – приступил к допросу Костя, приступил, как ему казалось, спокойно и умно. – Скажи мне, я один буду знать: кто?

– Иди ты к черту! – закричала на него заплаканная Алька. – Не скажу! Не ваше дело.

– Не наше?! – закричал и Костя. И уставился на сестру, и смолк, в поисках сильного справедливого слова. – А чье же? Не наше?.. Зануды вы!.. Дуры! – он тоже резко повернулся и ушел на кухню.

– Ну, что за дуры такие!.. – повторил он уже на кухне, при отце. И стал закуривать. – Убивать таких…

Отец, засунув руки в карманы брюк, стоял у окна, обиженно смотрел на улицу.

– Вырастили дочь, – сказал он. – Хоть беги теперь от позора… С кем она дружила-то? – опять повысил он голос. И повернулся к сыну. – Не знаешь?

– Откуда я знаю?

– «Откуда я знаю»! Черти… Засмеют теперь, людям только дай повод. Эх-х!..

Они долго молчали, курили, невольно прислушиваясь к возне там, в комнате.

Маленький Антон молчал.

— Парень-то крепкий уродился, — сказал отец страдальческим голосом.

— Ну и пусть растет, — невольно поддался было Костя мирному, хоть и горькому настроению. — Что теперь сделаешь?

— Ну, нет! — взвился опять отец. И вскочил, и заходил по тесной кухне. — Это они… сильно легко жить собрались! Черта с два! Так не бывает, — он помолчал, еще походил немного, остановился перед сыном. — Ты вот что: когда успокоимся, ты как-нибудь подъехай к ней… Хитростью как-нибудь. Не может быть, чтобы нельзя узнать… Что, в чужой стране, что он? Поумней как-нибудь… Не кричи, а поспокойней. То, се, мол, может, привет передать… Да не может быть, чтобы нельзя было узнать! Я его приведу, подлеца, и — носом в пеленки, как кота: вот теперь твое место здесь, здесь… Гады золотушные. Ишь, научились как!.. Прямо не жизнь, а малина. Ну, нет!..

— Да что нет-то? Что нет-то? — рассердился вдруг Костя на отца. — Что сделаешь-то?

— Что сделаю? Приведу и поселю здесь жить: вот тебе, друг ситный, твоя семья: жена и сын.

— А он пошлет тебя… И все. И ничего ты не сделаешь.

Отец строго уставился на сына… Но, видно, и сам тоже подумал: а что, действительно, тут сделаешь?

— Сде-елаем, — сказал он обещающе, но развивать эту мысль дальше не стал, — нечего развивать, вот и не стал. Сел, закурил опять. Курил и смотрел в пол безнадежно. Пальцы рук его чуть тряслись.

Косте стало жалко отца. Ничего он не сделает, подумал он. Что он может сделать? Покричит-покричит, а будет все как есть. Но если пожилой отец ничего не может сделать, тут же подумал Костя, то мне-то грех оставлять беззащитными сестру и племянника. Это уж… извините.

И решил Костя: не надо кричать, не надо суетиться, надо спокойно, железной рукой восстановить справедливость. Эти волосатики, правда что, собрались легко жить (почему-то он был уверен, что отец Антона — какой-нибудь из этих, каких он часто видел во дворе с гитарой)! Самого Костю как-то миновало это поветрие — трясти космами и до одури бренчать на гитаре, он спокойно презирал обтянутых парней, сторонился и следил только, чтобы у него с ними не случилось драки: волосатики ходили стадом и не стыдились бить кучей одного.

Костя решил, что он все равно узнает, кто отец Антона. А там уж видно будет, что делать.

И Костя узнал.

Дня через три, когда все малость успокоились, он потихоньку перерыл сумочки сестры, карманы ее пальто и курточек — и нашел, что искал: записную книжку. В книжке — номера телефонов. Костя стал внимательно изучать эти номера. Тут были телефоны подружек, рабочие телефоны (Алевтина работала на почте), телефоны каких-то тетей… Но того, что было нужно, не было. Тогда Костя набрал телефон первой попавшейся подружки Алевтины. Светы какой-то…

— Света? — спросил он вежливо.

— Да-а, — пропел ему в ухо голосок. — Кто это?

— Света, это брат Алкин… Слушай сюда, у нас же это… прибавление…

Света молчала.

— Знаешь, да? — продолжал Костя игриво.

— Да, — сказал в ухо голосок. — Знаю.

— А чего же он не звонит? А?

— Кто, Игорь?

— Да, Игорь-то. Чего он?

— Но они же… — Света, видно как, спохватилась, помолчала и сказала: — Я не знаю.

— Что «не знаю»? Чего ты хотела сказать?

— Не знаю…

— А кто он, этот Игорь?

— Не знаю.

Все, теперь она не с лезет со своего «не знаю». Ну, хватит и того, что успела сказать.

— Что же вы такие, Света? — спросил Костя как можно спокойнее. И сжал трубку, аж пальцы побелели.

— Какие? — удивилась Света.

— Да лахудры-то такие… Что, совсем, что ли, дуры полные?

Света положила трубку.

Игорек… Ну, держись, Игорек… Собака!

Костя походил возле телефона-автомата… Как умней повести дело? Надо же этого Игорька еще добыть!

«Э! — догадался Костя, — да эти же и знают, с гитарами-то. Чего я?..»

И он подошел к одному, к тоскливому… Этот тоскливый был, видно, с похмелья по воскресному делу, сидел один на скамеечке под березой, устало и одинаково смотрел перед собой — ждал, что ли, кого.

— Что такой задумчивый? — спросил Костя, присаживаясь на скамейку.

Тоскливый повернулся к нему… Глаза круглые, неглупые, несколько усталые, но тотчас засветились любопытством и неким немым ожиданием.

— А чего? — спросил он.

«Да нормальные люди! — успел подумать Костя. — Напускают только на себя…»

У этого, тоскливого, даже и волосы-то не такие уж длинные, правда, — усы…

— Ты этого… Игорька знаешь? — прямо спросил Костя. — С сеструхой-то который…

Тоскливый некоторое время с интересом смотрел на Костю — не то изучал, но и не скрывал интереса. Усмехнулся.

— А тебе что?

Костя заволновался, но прищемил свое волнение зубами… Тоже смотрел на усатого, старался усмехнуться, но не знал: усмехается или нет? Очень уж он как-то сразу взволновался.

— Пошли выпьем? — сказал Костя. И суетливо сунулся в карман, чтобы этим жестом успокоить усатого — что не трепется, что деньги есть. Но деньги не стал показывать, ибо заметил, что усатый утратил интерес к нему: видно, как поторопился он с этой выпивкой.

«Ну а как, как? – в отчаянии соображал Костя. – Как же?»

– Прикупить, что ли, хочешь? – спросил усатый. И отвернулся. Но снова повернулся. – Зачем тебе Игорька-то? – спросил.

Тут Костя взмолился:

– Слушай… прости с этой выпивкой – сам не знаю, чего я… Прости, – он даже тронул трясущейся рукой усатого по колену. – Я хочу спросить Игорька: будут они… сходиться-то?

Усатый опять смотрел на Костю, и опять глаза его круглые слабо осветились жизнью: опять ему стало интересно. Он усмехнулся.

– Не будут, – сказал он.

– Почему? – спросил Костя. Он хотел бы тоже усмехнуться, но не знал: получается у него усмешка или нет. – А зачем же тогда ребенка-то?..

– Это ты у сестры спроси, – молвил резонно усатый. И отвернулся. Интерес потух в его круглых глазах.

Мгновение Косте казалось, что он кинется на усатого, вцепится ему в горло… но он помолчал и спросил:

– Неужели ребенка-то?.. Хоть бы посмотрел. Что уж тут, съедят, что ли, вашего Игорька? Чего боитесь-то?

– Кто боится? – спросил усатый удивленно.

– Да вы боитесь, – Костя понял, что нечаянно угодил в слабое место усталой души усатого. – Чего же прячетесь, если не боитесь?

Усатый долго молча смотрел на Костю… И Костя смотрел на него, и ему удалось презрительно усмехнуться, он это почувствовал.

– Ну и поганцы же!.. – сказал он презрительно. – Чуть чего, так в кусты. Джельтмены, мать вашу… Твари.

Усатый задумался… Скосил глаза куда-то мимо Кости и даже губу покусал в раздумье.

– Мгм, – сказал он. – Я могу дать адрес Игорька… Но вечером ты выйдешь и расскажешь, как вы там поговорили. Так есть?

– Есть, – поспешно согласился Костя. – Расскажу.

– Мичурина двадцать семь, квартира восемнадцать. Но не забудь, вечером расскажешь.

…Костя летел на Мичурина и твердил в уме: «Двадцать семь, восемнадцать, двадцать семь, восемнадцать…» Почему-то взял страх, что забудет, а записать – ручки с собой нет. Ни о чем другом не думал, твердил и твердил эти цифры. Только когда пришел к дому двадцать семь и стоял уже перед дверью, на которой табличка – 18, тогда только перевел дух… И тут обнаружил, что очень волнуется, так волнуется, как никогда не волновался: даже сердце заболело. Нет, надо успокоиться, решил Костя, а то… что же я такой сделаю там? Он походил перед дверью… Не успокоился, а, сам того не желая, не сознавая даже, нажал кнопку звонка.

Дверь открыла моложавая еще женщина, очень приятная на вид… Открыла и смотрела на Костю.

– Игорь дома? – спросил Костя спокойно. Он поразился в душе своему вдруг спокойствию. Только что его чуть не трясло от волнения.

– Нету… – что-то такое было, наверно, в глазах Кости, что женщина не закрыла дверь, а смотрела на него вопросительно, даже встревоженно. – А вы… вам зачем

он?

Костя пошел прямо на женщину… Она невольно посторонилась, и Костя прошел в квартиру. По коридору навстречу ему шел мужчина в спортивном костюме, лет так пятидесяти пяти, с брюшком, но с таким… аккуратным брюшком, упитанный, добродушный. Но хоть лицо его добродушное, в эту минуту оно тоже было несколько встревоженное. Он тоже вопросительно смотрел на Костю.

— Я к вашему Игорю, — сказал Костя.

— Но нет же его, — чуть раздраженно сказала сзади женщина.

— А где он? — Костя стал в коридоре между мужчиной и женщиной — отцом и матерью Игорька, как он понял. — Мне его срочно надо.

— А что такое? — спросил мужчина.

— Он скоро придет? — в свою очередь спросил Костя. Спросил почему-то у женщины.

— А что такое? — опять спросил мужчина.

Костя повернулся к мужчине и долго, внимательно смотрел ему в глаза. Тот не выдержал, шевельнул плечом, коротко — поверх Кости — глянул на жену потом опять на Костю.

— В чем дело-то, вы можете объяснить? — потребовал он строго.

Костя стиснул зубы и смотрел на мужчину.

— У Игоря… у вашего, — заговорил он дрожащим от обиды, от горькой обиды и ярости голосом, — родился сын. Но Игорь ваш… не хочет даже… Игорь ваш прячется, как… — Костя не досказал, как кто, но он знал — чувствовал — он здесь сейчас скажет все: как на грех, стоял перед ним — сытый благополучный человек, квартира большая, шуба дорогая висит на вешалке, шляпа на вешалке, сверху…

— То-о есть? — как-то даже пропел мужчина. — Как это?

— Что, что, что?.. — несколько заполошно зачастила сзади женщина. — Что?

— У Игоря вашего родился сын. Но Игорь ваш… не на тех нарвался! — у Кости прыгали губы; все здесь — эти изумленные, сытые люди, квартира богатая — все предстало в его сознании как мир недобрый, враждебный, он весь стиснулся, скрутился в злой, крепкий комок. Он мог бы — готов был — дать ногой в аккуратный живот мужчине.

— Не на тех нарвался ваш Игорь! — повторил Костя. В этот миг ему бросилась в глаза медная ступка с пестиком, что стояла на тумбочке в коридоре, он отметил, что она стоит тут, это придало Косте уверенности. Он даже несколько успокоился.

— Ну-ка, пройдемте сюда, — сказал мужчина. И повернулся, и ушел в дверь направо из коридора. — Идите сюда! — сказал он уже из комнаты громко.

Костя повернулся к женщине и сказал:

— Идите, чтобы вы тоже знали… — и показал рукой на дверь, куда ушел мужчина.

Женщина (она была так растеряна, что покорно повиновалась) пошла в комнату.

Когда она зашагнула за порог двери, Костя прошел мимо тумбочки, неслышно вынул пестик из ступки и сунул во внутренний карман пиджака; пестик был небольшой, аккуратный, тяжеленький. Он оттянул полу пиджака, по надо специально приглядываться, чтобы это заметить.

— Ну-ка, по порядку — велел мужчина, когда Костя вошел в большую красивую комнату с рыбками на подоконнике. — Не волнуйтесь, не… Толком расскажите, в чем дело? Кто вы такой?

— Человек, — сказал Костя, опускаясь в мягкое кресло. С пестиком он себя

чувствовал уверенно, как с наганом. — Ваш Игорек… Я еще раз вам говорю: ваш Игорек стал отцом, но хочет, как гад, ускользнуть в кусты. Я повторяю: у него этот номер не пройдет.

— Да кто вы такой-то?! — чуть не со слезами вскричала женщина; она поняла, что это правда: ее Игорек стал отцом, и она готова была зареветь от ужаса.

— Погоди, — остановил ее муж. — Ну-ка, — терпеливо, но уже и недобро стал он расспрашивать, — наш Игорь стал отцом… То есть, у него родился ребенок? Так?

— Так. Антон.

— А кто мать… Антона?

— Моя сестра.

— Боже мой! — воскликнула опять миловидная женщина. И уставилась на Костю с мольбой и отчаянием. Косте показалось даже, что она увидела оттянутую полу его пиджака и вот-вот взмолится, чтобы их не убивали. — Да какой же он отец?!

— А кто твоя сестра? — продолжал допрашивать мужчина; он заметно сердился. И чем больше он сердился, тем опять спокойнее становился Костя, спокойнее и ожесточенней.

— Тоже человек, — сказал он, глядя в глаза мужчине.

— Я тебя дело спрашиваю, сопляк! — взорвался мужчина. — Чего ты!.. Пришел, здесь, понимаешь!.. Чего ты ломаешься сидишь? Пришел — говори дело. Кто твоя сестра?

— Че-ло-век, — сказал Костя. Руки его ходуном ходили — охота было уже выхватить пестик, но он еще сдерживал себя.

— Молодой человек, — взмолилась мать, — да вы расскажите все, зачем же мы злимся-то? Расскажите спокойно.

— Я не знаю, почему ваш муж обзываться начал, — повернулся Костя к женщине. — За сопляка я еще… мы еще про это тоже поговорим. Моя сестра… ей двадцать лет, она работала… пока не забеременела… Теперь она туда, конечно, не пойдет. От позора. Работала на почте. Мы люди простые… Мы люди простые, — повторил с глубокой внутренней силой Костя, глядя на мужчину, — но Игорек ваш от нас не уйдет. Лично от меня не уйдет. Ясно?

— Ясно, — сказал мужчина. И встал. — Вот оттого, что ты, сопляк… я повторяю: сопляк, пришел и взял сразу такой тон, я с тобой говорить отказываюсь. Тоже ясно? Я буду говорить с твоей сестрой, с отцом, с матерью, а тебе приказываю — вон отсюда! — и показал рукой на дверь. Он был властный человек.

Костя встал… И вынул из кармана пестик. И сразу без слов пошел на мужчину. Вмиг лицо мужчины сделалось серым… Он попятился назад, к рыбкам… Нахмурился и смотрел, как зачарованный, на медный пестик в руке Кости. Женщина не сразу поняла, зачем Костя встал и пошел… Зачем вынул из кармана пестик, она это тоже как-то не поняла. Она поняла все, когда увидела лицо мужа… И закричала пронзительно, жутко. Костя оглянулся на нее… И тотчас полетел на пол от крепкого удара в челюсть. Мужчина прыгнул на него, заломил назад его правую руку и легко вырвал пестик.

— Вон ты какой!.. — сказал он, поднимаясь. — Вставай! Садись сюда.

Костя поднялся, сплюнул сукровицей на ковер… Посмотрел на мужчину. Глаза Кости горели безумием и отвагой.

— Все равно убью, — сказал он.

Мужчина толкнул его в кресло. Костя упал в кресло, ударился затылком об стенку. Но продолжал смотреть на мужчину

— Убью… из ружья. Подкараулю и убью, — повторил он.

Мужчина с пестиком в руке сел напротив, заговорил разумно и спокойно:

— Хорошо, убьешь. За что?

— За то, что породили такого бессовестного… такую тварь бессовестную. Кто так делает? — Косте хотелось заплакать и кинуться на разумного мужчину. — Кто так делает?! — закричал он.

— Что делает? Как делает?

— Как ваш сын…

— А сестра твоя как делает? — жестко и справедливо спросил мужчина. — Она же совершеннолетняя.

— Она дура!

— Что значит «дура»? Дуру не возьмут работать на почту.

— Она жизни не знает… Много надо, чтобы их обмануть! Нет, — постучал Костя худым кулаком по своей острой коленке, — пока они не распишутся и не будут жить нормально… до тех пор я вам жизни не дам. Сам погибну, но вам тоже не жить. Сам все сделаю, сам! Сам буду судить!.. За подлость.

Мужчина внимательно и тяжело смотрел на него. Долго молчал.

— Не пугай ты меня, не пугай, — сказал Костя на это тяжкое молчание. — Не испугаешь. Убить — можешь… Дай вон пестиком по голове и в багажнике вывези куда-нибудь…

— Господи, да что же это такое-то! — тихо, с ужасом воскликнула опять женщина. — Да о чем вы говорите?!

— Мне жизнь не такая дорогая, как вашему красавцу… Но ему не жить, если он не сделает по-человечески! — Костя опять с силой ударил кулаком по колену. — Не жить! Я жить не буду, отец убьет вас: он знает, куда я пошел…

— Кто твой отец? — спросил мужчина.

— Человек. Чего тебе все надо: кто? Кто? Человек, кто! Пуза у него, правда, нет вот такого… — Костя посмотрел на аккуратный арбуз мужчины, обтянутый синим спортивным свитером.

— Сейчас ты оставишь свой адрес и уйдешь, — сказал мужчина. Встал и подошел к столу — записать адрес. — Говори.

— Я не уйду отсюда, пока не дождусь вашего Игорька… Потом мы пойдем вместе, я его суну носом в пеленки — он будет знать, где теперь его дом и семья.

— Да какой он семьянин! — не то с изумлением, не то невольно со смехом, с горьким, правда, смехом сказала мать. — Он только первый курс закончил… Ему еще четыре года учиться.

— Будет работать и учиться, — заметил на это Костя. — Ничего страшного.

— Давай адрес! — опять стал злиться отец. — Я приду говорить с твоим отцом. А ты человеческих слов, я вижу, не понимаешь.

— Ваш подонок зато понимает человеческие слова… Красивые, наверно, слова! Я не двинусь отсюда, пока его не дождусь.

— Да нету его, нету! — тоже громко и сердито воскликнула мать, оскорбленная за «подонка». — Что же, милицию, что ли, вызвать?

— Вызывайте.

— Но нет его! Нету в городе — в деревне он.

— Врете.

— Говори адрес!.. — заорал мужчина, багровея.

— Не ори, — посоветовал Костя. — А то живот лопнет…

Мужчина бросил ручку, бросил пестик, который еще держал в руке, быстро подошел к Косте, сгреб его за шиворот и повлек по коридору к входной двери. Но как ни крепок он был, мужчина, все же Костя был молодой и жилистый… Он сперва покорно пошел, повинуясь руке, а когда мужчина расслабился и уже без усилия вел Костю за шкирку, тот вдруг вывернулся, развернулся и со всей матушки-силы дал ногой мужчине в живот. Тот так и сел к стене на корточки… Женщина закричала, вылетела из коридора в какую-то еще комнату к телефону, как понял Костя, потому что услышал, как схватили трубку и крутнулся диск. Костя вернулся в красивую комнату с рыбками, взял пестик и вышел опять в коридор.

— Не надо! — хоть с трудом, но громко сказал мужчина. Костя думал, что он ему говорит, но мужчина смотрел мимо него и еще раз крикнул: — Ольга, не надо!

Женщина появилась в коридоре. Тоже закричала:

— Но это же бандитизм. Почему не надо?! Это же бандитизм!..

— Не надо, — решительно сказал мужчина. Он поднялся, держась за стенку, постоял, пережидая боль в животе… Вздохнул и качнул головой. И скрипнул зубами. На Костю с пестиком не смотрел.

— Пойдем к отцу вместе, — сказал он после долгой паузы. — Дай одеться, Оля.

Костя жалел, что пнул мужчину — он сам не ждал, что так случится, — зато теперь хоть дело стало походить на дело: с отцом-то им легче захомутать этих жеребцов — Игорька с его папашей. Впрочем, чувство враждебности к отцу Игорька у Кости поослабло — оставалось одно нетерпеливое желание: довести справедливое дело до конца.

Когда мужчина надел костюм и появился в коридоре, у него каким-то образом куда-то упряталось брюшко; стоял солидный мужчина, решительный, крупный, крепкий.

— Пошли, — сказал он Косте. — Пестик-то оставь.

Костя положил пестик на стул перед самым выходом из квартиры.

— Где ваш дом? — спросил мужчина, когда стояли у лифта, ждали кабину.

— На Советской.

— Как туда ехать?

— Да тут три квартала…

Лифт подъехал… Вошли в кабину, закрылись, мужчина нажал кнопку — мягко поехали вниз. Стояли близко друг к другу, так близко, что Косте было неловко смотреть в глаза мужчине. А тот смотрел на него. Но Костя тоже старался не утратить самостоятельности и решительного настроения. Единственное, о чем он пожалел в эту минуту, — что он не такой же крупный и солидный, как этот, который смотрит на него несколько сверху. Костя часто жалел, что он не крупный, не солидный.

— Сколько тебе лет? — спросил мужчина.

— Не в этом дело, — сказал Костя.

Тут лифт мягко остановился — точно сел на подушку — очень хороший лифт… Вышли, спустились несколько вниз по ступенькам и очутились на улице.

— А чего ты так ерепенишься-то? — спросил мужчина.

– А чего же мне на вас, молиться?

– Да не молиться, кто тебя заставляет молиться. Но так же тоже… умные-то люди не ведут себя.

– Ваш Игорек зато ведет себя… Комсомолец небось!

– Из всякого безвыходного положения всегда можно найти выход, запомни это.

– Что, деньги небось будете совать?

– Дурак, – сказал мужчина горько. – Психопат. И сестра твоя такая же?

– Что же вы умные… – Костя даже остановился от возмущения и от обиды. – Ишь, умные! – Костя сам теперь в упор смотрел на мужчину – Умники… – он стиснул зубы и клятвенно сказал: – Я вам раз и навсегда говорю: не сделаете по-человечески, я…

– Пошли, – коротко и тоже решительно сказал мужчина, повернулся и пошагал дальше. – От горшка два вершка, а сплошные угрозы. Сопляк.

Некоторое время шли молча.

– Что же это за семья будет, если мы их силой сведем? Вы об этом-то подумали? – спросил мужчина.

– А он думал?..

– Да что ты, как дятел, – «он, он»! А она?

– Она девка! А он – парень!

– Не ори… – мужчина посмотрел по сторонам. – Чего ты орешь? Я вообще могу не ходить с тобой…

– Выломлю штакетину и погоню вперед… Если не пойдешь, – вид у Кости был такой свирепый, что можно было не сомневаться – так и сделает: выломит штакетину и учинит на улице драку.

– Тьфу!.. Полудурок. Да неужели ты не можешь спокойно-то?

– Не могу. Не могу-у! Я как только погляжу на твою спокойную… на твое лицо, так у меня в голове все мутится: как ты-то можешь спокойно? Человечек же на свет родился… маленький… а вы, как… Да вы что!

– Все, не ори больше. Иди молча.

Дальше до самого дома шли молча.

Дверь открыл отец… Костя легонько подтолкнул сзади мужчину, вошел сам в квартиру закрыл дверь и сказал:

– Дедушку привел нашего Антона.

– Здравствуйте, – серьезно, с достоинством сказал мужчина, дедушка Антона. – Я – Свиридов, Павел Владимирович.

– Так, – сказал отец Кости. – А мы Худяковы, – и смотрел на Свиридова пристально, прямо, не мигая.

– Ну, приглашайте, – сказал Свиридов. – Показывайте внука.

Из кухни вышла мать Кости и смотрела на Свиридова изумленно и с интересом.

Вышла из комнатки, где теперь жил маленький Антон, мама его, Алевтина… И смотрела на крупного дядю с недоумением. Она не слышала слов брата, что тот привел «дедушку», поэтому не могла понять, почему так странно все стоят и молчат.

– Где же внук-то? – еще раз довольно бодро спросил Свиридов.

– Какой внук? – тихо спросила Алевтина.

– Мой внук…

– Это отец Игоря, – пояснил Костя.

– Какого Игоря?

– Твоего Игоря… Отца Антона.

– Во, псих-то, – сказала Алевтина. И ушла в комнатку. – Чего ты самодеятельность-то развиваешь? – сказала она из комнаты. И опять появилась на пороге. – Какой Игорь?

– Ты не темни!.. – громко сказал Костя. Он растерялся, это было видно.

– Чего «не темни»?

– Он – отец Игоря, – уже не так уверенно сказал Костя, – а Игорь – отец Антона. Что ты?

– Да откуда ты взял? – спросила Алевтина. – Чего ты людей зря беспокоишь, дурак ты такой! Ну надо же!.. При чем тут Игорь-то?

– Погодите, погодите, – сказал Свиридов. – Давайте разберемся: вы были знакомы с моим сыном? С Игорем Свиридовым.

– Была знакома… Я знала его. Но дружил он не со мной, а с моей подругой, тоже на почте работала.

– Значит, это не его сын?

– Откуда?!

– А чей же он тогда сын?! – заорал Костя.

– Костя, – сказал отец. – Не ори. Ну, выяснили? Все, значит, в порядке… Извините, что зря побеспокоили.

– Да ну что!.. – сказал Свиридов по-доброму. – Дело разве…

– Да врет она! – опять закричал Костя. – Не хочет говорить: договорились с этим Игорем!

– Не ори, Костя! – тоже повысил голос отец. – Чего орать-то? Извините, – еще раз сказал он Свиридову. – Мы, конечно, переживаем тут, поэтому и…

– Нет, – обратился Свиридов к Алевтине, – может быть, правда, вы что-то скрываете? Может быть, Игорь…

– Да ни с какого боку! – сказала Алевтина. И даже засмеялась. И пошла в комнату. – Господи!.. – сказала она там сама себе. Она, как стала матерью, сразу как-то поумнела, осмелела, часто баловалась со своим Антоном и смеялась.

– Ну что же… – Свиридов повернулся к Косте. – Я могу быть свободен?

Костя, миновав его, молча прошел на кухню. И заорал оттуда что было силы:

– Все равно дознаюсь! Доз-на-а-ю-усь!

– До свидания, – вежливо сказал Свиридов.

Отец молча кивнул.

Свиридов ушел.

— Не я буду, дознаюсь! — еще раз крикнул Костя срывающимся голосом. Он плакал. Он устал за этот день… Очень устал и изнервничался. — Други игрищ и забав нашлись мне… Паразиты.

— Ладно, Костя, — мирно сказала мать. — Не переживай. На кой он черт нужен, такой отец… если и найдется! Что, сами, что ли, не прокормим? Прокормим.

— Никто так не делает, — возразил Костя, вытирая слезы. — Кто так делает!

— Ну не делают!.. Сплошь и рядом. Садись поешь вон… а то бегаешь, как сыщик, с лица опал даже. Что ты-то переживаешь?

Костя присел к столу склонился на руку и задумчиво смотрел в окно, во двор. Еще надо выходить вечером объясняться с этим… с усатым, думал он. Возьму нож и пойду — пусть сунутся.

— Не переживай, Костя, — сказала мать, ставя ему миску со щами. — Сами вырастим.

«Не нож, а гирьку какую-нибудь на ремешке, — решил Костя. — За нож самому попадет, а с гирькой… на гирьку они тоже не очень кинутся».

— Други игрищ и забав, — еще сказал он. Он где-то услышал эти слова, они ему понравились: в его сознании все косматые выстраивались под этой фразой, как под транспарантом, — в колонну не в колонну даже, а в кучу довольно нахальную и бессовестную.

«Нет, не гирьку, а — нож, — вернулся он к первому варианту. — Все страшней будет. На нож не полезут». Был у него такой складной охотничий нож, довольно внушительный и ловкий в руке — не сунутся. На том он и порешил и придвинул к себе тарелку со щами.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
http://shukshinvasiliy.ru/ Приятного чтения!
http://buckshee.petimer.ru/ Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
http://petimer.ru/ Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
http://worksites.ru/ Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
http://filosoff.org/ Философия, философы мира, философские течения. Биография
http://dostoevskiyfyodor.ru/
сайт http://petimer.com/ Приятного чтения!